

1.2. У ИСТОКОВ СТАНОВЛЕНИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ¹

Существовала ли какая-то **внутренняя логика, закономерность в применении Д. С. Лихачевым тех или иных методологий исследований, в переходе от одних методологий к другим?** Можно ли говорить о какой-либо **методологической эволюции** ученого на протяжении на редкость длительного и продуктивного периода его научной деятельности?

На наш взгляд, можно. В ходе состоявшейся в Москве 20 декабря 2006 года научной сессии Отделения историко-филологических наук РАН, посвященной 100-летию академика Д. С. Лихачева, академик В. Л. Янин заострил внимание научного сообщества на одном из тезисов, раскрытых им в предисловии к книге «Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог»²: «Д. С. Лихачев являет собой пример одного из главных основоположников интеграции гуманитарной науки. Предметом его исследований была филология во всех ее ракурсах, история и искусствоведение, изучаемые в их неизбежных пересечениях. Он открыл для себя и для всех нас то связующее звено, которое соединяет эти прежде дифференцированные дисциплины. Базисом любого национального развития, как это было им доказано, является культура, составляющими частями которой были письменность и язык, архитектура и живопись, музыка и философия. Такой подход к сумме разнообразных источников культурного развития представляет собой основу новой обобщающей науки — культурологии, пионером которой стал Д. С. Лихачев»³.

С этим утверждением трудно не согласиться. Хотя, думается, суть проблемы все же не сводится к важности изучения культуры как базиса национального развития и суммы языка, архитектуры, музыки и др. Академика Лихачева можно рассматривать как **ученого-энциклопедиста нового типа, действующего, в отличие от своих предшественников, в условиях весьма далеко зашедшей дифференциации научного знания.** По всей видимости, преодоление этой дифференциации в его работе происходило на основе интуитивно ощущаемой потребности, порожденной общей ситуацией, сложившейся в российском гуманитарном знании XX века. **Ведомый интуицией, Дмитрий Сергеевич оказался у истоков российской культурологической парадигмы,** создаваемой параллельно с ним в общем пространстве гуманитарного знания несколькими поколениями отечественных ученых. Назовем в этом ряду: С. Аверинцева, С. Артановского, А. Гуревича, П. Гуревича, Ю. Лотмана, А. Лосева, В. Библиера, Э. Соколова, Н. Злобина, С. Иконникову, М. Кагана, В. Межуева, А. Флиера и др.

Не ставя перед собой задачу по формированию культурологической парадигмы, академик тем не менее внес удивительно масштабный вклад в ее решение. Особая одаренность и энциклопедическая образованность, его боль за судьбы отечественной культуры сделали Д. С. Лихачева необычайно ярким выразителем этого магистрального сегодня направления развития гуманитарного знания. Своими научными трудами и собственной биографией ученый еще раз подтвердил тезис о том, что источник гениальности лежит не только в способности интеллекта постигать и конструировать истину, но и в резонансе души человеческой с болью времени, в проблемно-онтологическом созвучии, соразмерности Человека и Времени. Исследования культуры академиком стали яркой линией в складывающейся культурологической парадигме, а его труды по существу заполнили ее методологические лакуны и оформили важные мировоззренческие принципы и приоритеты формирующейся новой области знания.

¹ Раздел написан в соавторстве с профессором СПбГУП А. П. Марковым. Более подробно см.: *Запесоцкий А. С. Становление культурологической парадигмы / А. С. Запесоцкий, А. П. Марков. СПб.: СПбГУП, 2007. (Дискуссионный клуб Университета; Вып. 10).*

² *Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог / СПбГУП. СПб., 2007. С. 4–7.*

³ Там же. С. 5.

Очевидно, что культурологический ракурс исследований академика в существенной мере сформировался под влиянием социально-культурного контекста эпохи: Д. С. Лихачев жил и творил в XX веке, который стал веком исследования культурных явлений и феноменов. **В годы юности Дмитрия Сергеевича культурологическая проблематика исследовалась в рамках иных, нежели сегодня, теоретико-методологических концепций и иного, архаично систематизированного нормативного знания.** В частности, на рубеже XIX–XX веков культурная тематика отчетливо зазвучала на фоне бурного расцвета полевых исследований фольклористов, этнографов, психологов. Позже культурологическую эстафету приняли такие науки, как этнология, социология, политология, антропология, которые потом модифицировались в социологию культуры, культурную антропологию, психологию культуры, этнопсихологию. В результате основными науками о культуре в Европе и Америке и сегодня принято считать социологию, социальную и культурную антропологию. В России значительный вклад в понимание культуры внесли филология, лингвистика, семиотика, философия культуры и др.

Однако **по мере изучения культуры отдельными, частными отраслями знания все рельефнее вырисовывался ряд трудностей.** Во-первых, понимание сущности даже отдельных культурных феноменов все чаще оказывалось невозможным в рамках той или иной частной науки, требовало междисциплинарной методологии и неизбежно принимало межпредметный характер. Во-вторых, рефлексия культуры как целостности тем более не могла стать объектом какой-либо одной науки — объект познания таких масштабов не соответствовал их предметной области. В-третьих, пришло осознание учеными ограниченности и даже исчерпанности возможностей классических наук (каждой в отдельности) решать принципиально новый класс исследовательских задач. Гуманитарное научное сообщество начало целенаправленно искать новые формы координации междисциплинарной деятельности и вырабатывать способы «подключения» науки к решению общественно-значимых проблем⁴.

Как известно, различные аспекты культурного бытия человека и общества изучают все науки гуманитарного профиля, однако получаемое ими знание частично и дискретно, оно разделено естественными границами научной компетенции различных наук, что «разрывает» целостность самого феномена культуры. **Культурология**, изучающая культуру как целое, уже в силу этого обстоятельства не могла стать гуманитарной наукой «в ряду других», поэтому она **изначально формировалась как своеобразная метанаука — научная парадигма.** Начиная со второй половины XX века культурологическая парадигма постепенно интегрировала весь спектр частнонаучных подходов к различным феноменам культуры. Пытаясь воссоздать культуру как целостность, она объединила ресурсы различных гуманитарных наук и сформировала особую область предметной онтологии.

Социальную базу создания культурологической парадигмы составила значительная группа известных российских ученых-гуманитариев, научная рефлексия которых была связана с соответствующим методом познания реальности. Исследовательская мотивация здесь оказалась определена не столько рациональным, «холодным» интересом интеллекта, сколько целостным стремлением личности понять проблемную ситуацию и найти ресурсы для ее решения, расширив рамки своей научной компетенции.

Отличие парадигмы от методологии частных наук состоит в том, что здесь возможна (и происходит) **органичная интеграция результатов и методов различных областей гуманитарного знания вокруг актуального «проблемного поля».** Кроме того, в парадигмальном знании **доминирует экзистенциально-ориентированная методология.** И, наконец, формирующую парадигму науки объединяет специфический метод познания, важнейшее место в структуре которого занимает **креативно-онтологическая линия.**

⁴ См.: Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 280.

Парадигмальная методология предполагает вовлечение в процесс исследования не только рациональных ресурсов личности, но и ее креативных потенциалов: модель культурной реальности не просто понимается, но творчески создается — **исследователь творит образ, картину «мира культуры»**. В результате анализа и творческой интерпретации «текстов культуры» (в том числе знания, полученного в рамках других гуманитарных наук), культурологический дискурс не только понимает, но и «собирает» культурную реальность, «разбросанную» по проблемным областям гуманитарного знания, онтологизирует культуру как целостность.

Современное понятие культуры объединило огромный класс феноменов и граней бытия человека и общества. В рамках культурологической парадигмы **предметная область исследования** формировалась путем выстраивания многоуровневого универсума культуры:

- как сотворенной человеком духовной и материальной среды его обитания;
- специфической функции и модальности бытия человека и общества;
- формы созидания и выражения человеческой природы;
- способа самопознания и самовыражения национально-культурной самобытности народа;
- существующей в «большом» историческом времени системной целостности, содержащей символическую «духовную матрицу», обеспечивающую идентичность личности и самоощущенность социума;
- важнейшего фактора духовно-нравственного обновления общества, ресурса общественных преобразований и основы духовной безопасности нации.

Подобное богатство проблемного и научного спектра культурологии свидетельствует не только о разнообразии научных форм, в которые может облекаться культурологическая мысль, но и о взаимодополнительности ее различных аспектов, складывающихся в своей совокупности в единую комплексную дисциплину — знание о культуре как многогранном и многомерном явлении.

Наряду с онтологизацией объекта познания продолжалось формирование научного метода культурологии (*греч. methodos* буквально означает «путь к чему-либо»). Как известно, «несущими конструкциями» метода являются: как мировоззренческие и методологические ориентиры познания, всеобщие исследовательские принципы и подходы, формирующие определенные модели миропонимания (редукционизм, механицизм, позитивизм), так и приемы научного мышления (индукция, дедукция, анализ, синтез, аналогия, объяснение, доказательство, эксперимент, наблюдение).

Формирование культурологического метода совпало с общей тенденцией развития гуманитарной науки 1960–1980-х годов, которая проявилась в усилении методологической рефлексии, поиске новых средств и инструментов познания и конструирования реальности и, прежде всего, за счет разработки тех составляющих научного метода, которые были бы способны компенсировать ограниченные возможности аналитичности. Культурология в границах своего метода стала интегрировать частнонаучные подходы к культуре — социологический, этнологический, филологический, семиотический, психологический, экологический и другие, выстраивая на этой основе свою методологию научной парадигмы.

Безусловно, культурологическая парадигма базировалась на философской методологии. Однако при сохранении определенной преемственности в формировании культурологического метода обнаруживается и явная **оппозиция**, прежде всего **по отношению к позитивистской методологии**, которая абсолютизирует роль рационального дискурса, внешне регистрируемых наблюдений, осуществляемых в сфере естественных наук или их методами. И эта оппозиция закономерна — возможности разума, как показал XX век, ограничены. Высшая форма его достижений — понимание противоречивости бытия и отражающего его знания: разрешая очередное противоречие, разум неизбежно упирается в следующее, и так до бесконечности. Но есть иные формы и

ступени духовного познания, когда возможен синтез антиномий. Источником такого знания, как считал П. Флоренский, является не разум, а сердце. Познать разумом — значит, «опознать противоречие», **уразуметь сердцем** — значит, «понять всецело»⁵.

Известно, что культурологическая парадигма является лишь одной из возможных парадигмальных моделей интеграции гуманитарных наук. В структуре научной парадигмы может быть различным соотношение, конфигурация векторов: общефилософского, конкретно-научного и проблемного, формируемого и детерминируемого «болью повседневности» — резонансом интеллектуальных лидеров научного сообщества с актуальными проблемами бытия⁶. Доминирование одного из них определяет характер парадигмы, включая методы познания, онтологию предмета, формы интеграции научных дисциплин.

Важнейшим фактором и условием рождения культурологической парадигмы следует считать **актуализацию проблемного поля**. Ведь становление и корректировка научного метода, лежащего в основе парадигмы, всегда обусловлены историко-культурной ситуацией. Сам же метод выступает в качестве производной от деятельности находящегося внутри социально-культурной среды научного сообщества⁷. Существенным своеобразием метода культурологической парадигмы стало доминирование личностно-ориентированной методологии. Здесь имеется в виду обращение гуманитарного сообщества к актуальным вопросам бытия человека в мире, смещение акцентов с рассудочно-познавательной мотивации на детерминированность животрепещущими проблемами.

Таким образом, культурология в своей методологической основе изначально складывалась как гуманитарно-обществоведческая парадигма, имеющая междисциплинарный статус, интегрирующая методы и результаты других наук социально-гуманитарного профиля вокруг определенного проблемного поля. Особенность культурологического метода, цементирующего данную научную парадигму, состоит в том, что он, интерпретируя и понимая «тексты культуры», одновременно онтологизирует целостную социально-культурную реальность — творит, создает ее символический образ.

Культурологическая мысль синкретична, она выходит за пределы законченных форм чистой научности⁸. С одной стороны, она тесно связана с философией, антропологией, социологией, использует соответствующие методы интерпретации культурной реальности и даже заходит в соответствующие проблемные области этих наук. С другой — своей антропо- и логоцентричностью культурология близка различным иным формам гуманитарного знания, органично встраивая в свой метод, наряду с понятийно-логическими формами мышления, образно-ассоциативные способы интерпретации и онтологизации мира культуры. Поэтому **культурологическая мысль не вписывается в рамки строго рациональных подходов к культуре, в ней собственно научные способы познания органично сочетаются с художественными и религиозными рефлексиями**, она включает в себя как специализированные формы культуры (искусство, философию, религию), так и обыденные формы культурного самосознания.

Подобный межпредметный и межнаучный синтез правомерен и плодотворен по отношению к культуре в рамках культурологической парадигмы, но он не может быть оправдан, например, в социологии, истории или политологии. Как считает И. В. Кондаков,

⁵ См.: *Флоренский П.* Столп и утверждение истины: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 1, кн. 2. С. 505, 536.

⁶ См.: Материалы круглого стола «Философия и интеграция современного социально-гуманитарного знания» // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 5.

⁷ Т. Кун в свое время подметил особую значимость в становлении научного метода «проблемного резонанса» сообщества ученых и онтологизируемого этим сообществом объекта знаний, что чрезвычайно важно для становления культурологической парадигмы. См.: *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.

⁸ *Кондаков И. В.* История культурологической мысли [Электронный ресурс] // Культурология. XX в.: энцикл.: в 2 т. СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 1. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/edu/ref/enc/i.html#BM80036>. Загл. с экрана.

в данных отраслях знания любые вненаучные компоненты разлагают науку изнутри⁹, и с этим трудно не согласиться. В границах же культурологической парадигмы литературно-художественные, философские, религиозные и обыденные формы знания обнаруживают свою органическую причастность к культурологии, становятся различными вариантами саморефлексии культуры как целостности.

«Работая» на проблемном поле других гуманитарных наук, культурология в границах своего метода осуществляет контекстуализацию и интерпретацию актуальнейших проблем бытия человека и общества, придает им глубину и перспективность решения. Культурологический дискурс переинтерпретирует результаты и концептуальные наработки других наук, вводя их в более широкий социально-гуманитарный контекст. В исследовательское «предметное поле» в этом случае включаются различные социально-культурные феномены («тексты культуры»), выступающие объектом анализа и других социально-гуманитарных наук (например художественный текст, который является объектом и литературоведения, и лингвистики, и психологии, и истории).

Специфику своего метода культурология (в сравнении с другими гуманитарными дисциплинами) обеспечивает также конструктивным характером исследования, которое не ограничивается накоплением фактов и их интерпретацией. Культурологический метод креативен по своей сути — посредством концептуального анализа «текстов культуры» воссоздается феномен культуры в его онтологической полноте и целостности. Выражаясь словами М. М. Бахтина, «участное сознание» исследователя, оставаясь в границах научного метода, вместе с тем становится «при-частным» к понимаемому феномену, — когда морально ответственным словом ученый конструирует онтологию объектной области¹⁰. Акт понимания осуществляется не одним только интеллектом, а целостным миром человеческой субъективности, в единстве духовного, интеллектуального и душевного, путем органичного объединения конструктивного потенциала методологии различных гуманитарных наук.

Очевидно, логоцентризм культурологического знания берет начало в философском методе познания, в котором слово было «освобождено» от своей жесткой предметной зависимости и переведено в «зону метафоры». В этом смысле философская категория, как отмечал С. Аверинцев, есть «застывшая метафора». Слово, наделенное функцией символа, уже не просто фиксирует нечто существующее, но обозначает его идею, глубинный замысел, который самим фактом обозначения приближается к своему воплощению¹¹.

Схематично описанный выше процесс зарождения и становления культурологической парадигмы был реализован в XX веке усилиями большой группы ученых-гуманитариев и, по всей видимости, в настоящее время близится к своему завершению. Сегодня сомневаться в самом факте рождения культурологии как специфической и самостоятельной области теоретического знания в среде гуманитариев могут лишь исследователи частных проблем, ученые-«предметники», получившие образование до середины XX века. Культурология теперь становится модной наукой, а игнорирование ее все чаще воспринимается как недостаточная образованность и невосприимчивость к новому. Но это — сегодня.

Университетское же образование самого Д. С. Лихачева, полученное в начале XX века — по его признанию, лучшее гуманитарное образование того времени в мире, — с одной стороны, не давало ни малейших намеков на грядущий прорыв в изучении культуры, с другой — закладывало в структуре личности Дмитрия Сергеевича фундамент этого прорыва. Как, впрочем, и школьное, а также семейное его образование.

⁹ Кондаков И. В. История культурологической мысли.

¹⁰ См.: Бахтин М. М. Временное целое героя (проблема внутреннего человека — души) // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 112.

¹¹ В специализированных науках слово теряет это качество, возвращается к жесткой однозначности, становясь явлением прикладным, утилитарным. См.: Аверинцев С. С. Новое в современной классической филологии. М.: Наука, 1979.

Занимаясь с середины XX века формированием культурологической парадигмы, ученый до самого завершения своей научной биографии был сконцентрирован на ее проблемном поле и довольно-таки равнодушен к теоретическому оформлению понятийного аппарата культурологии. Однако по мере необходимости он стремительно «присваивал», внедрял в своих исследованиях различные компоненты новой, постепенно формирующейся культурологической парадигмальной методологии.

Что наиболее характерно для культурологов: **академик шел в своей деятельности от научной проблемы**, в широком смысле — от «боли», от резонанса, который понятая и, что особенно важно, прочувствованная проблема вызывала в его душе. **И создавал для ее решения в нужных случаях соответствующую методологию.**

Лихачев развивал культурологию в первую очередь именно практически (а не теоретически) — через работы, первоначально выполняемые в предметном поле других, классических отраслей научного знания, таких как филология, история. Однако сразу же после публикации многих его трудов выяснялось, что результаты этих его работ и, что не менее важно, их методология в рамках частных наук не умещаются. Отсюда — непонимание и неприятие ряда его работ со стороны одних и восхищение со стороны других ученых. Отсюда же и «запредельный» для классической филологии масштаб таких его книг, как: «Человек в литературе Древней Руси»¹², «Текстология. На материале русской литературы X–XVII вв.»¹³, «Поэтика древнерусской литературы»¹⁴ и др.

Теперь кажется, что **сама судьба приготовила Дмитрия Лихачева к этой миссии**: «Для него единственной профессией, которую мог выбрать приличный человек, была научная деятельность», — утверждает одна из родственниц Дмитрия Сергеевича. И продолжает: «Вся его жизнь была посвящена одной цели, причем с ранней юности. Когда я спрашивала у деда, почему он занялся древнерусской литературой, дед рассказывал такую историю. Еще до “несчастья”¹⁵ Митя Лихачев нарисовал для родителей открытку-поздравление с Рождеством. Почему-то он изобразил не привычных снеговиков и елки, но Богородицу с младенцем — древнерусскую икону. Над Митей смеялись, он же был твердо уверен, что нарисовать нужно было именно так»¹⁶. Глубокая национальная укорененность в русской культуре, мощный интеллект, блестящее образование, осознание своего признания в науке, гипертрофированное чувство долга, природная и развитая домашним и школьным воспитанием чувствительность к прекрасному, воспитанная с младенчества вера в Бога — все это дало нарождающейся культурологической парадигме удивительного, выдающегося даже из ряда гениальных гуманитариев XX века, субъекта ее формирования и развития.

¹² 1958; 2-е изд. 1970.

¹³ 1962; 2-е изд. 1983.

¹⁴ 1967; 2-е изд. 1971; и др. изд.

¹⁵ Прим.: здесь имеется в виду Октябрьская революция.

¹⁶ Дмитрий Лихачев и его эпоха. М.: Logos, 2002. С. 46–47.